

П. В. Шувалов

Мираж европейской Сарматии на фоне истории текста и карт «Географии» Птолемея

Keywords: Ptolemy, stemmatology, maps, historiography.

Ключевые слова: Птолемей, стемматология, карты, историография.

P. V. Shuvalov

The Mirage of the European Sarmatia in the Context of the Text History and Maps of Ptolemy's "Geography"

Works of O. A. W. Dilke, A. Diller, P. Schnabel, J. Fischer and others enable the author to conclude that the hand-made maps are descendents of Ptolemy's maps. An alternative hypothesis (i. e. that the maps were a later product by the Byzantine scholars who used Ptolemy's text) seems to be not very well grounded.

П. В. Шувалов

Мираж европейской Сарматии на фоне истории текста и карт «Географии» Птолемея

На основе анализа работ О. А. У. Дилке, А. Диллера, П. Шнабеля, Й. Фишера и др. сделан вывод, что рукописные карты восходят к картам Птолемея. Альтернативный тезис (что карты созданы позже по тексту Птолемея книжниками в византийскую эпоху) представляется весьма слабо аргументированным.

Предлагаемый ниже текст был написан поэтапно в 2000—2002 годах как часть моего вклада в предполагавшийся совместный труд по Европейской Сарматии Птолемея под руководством Марка Борисовича Шукина. Главная идея проекта состояла в том, чтобы попытаться поколебать скептическое отношение некоторых коллег к птолемеевской Сарматии как к своего рода эллинистической кабинетной фикции, отражающей восточноевропейскую реальность того времени не более, чем мираж в знойной степи может указывать дорожку усталому путнику. Этот вопрос много обсуждался в том или ином виде на семинаре, и Марк Борисович давно стремился заняться Сарматией Птолемея, но другие дела постоянно отвлекали его. Наконец, получив грант в 1999 году, он быстро написал свою часть об этногеографии по данным археологии, опередив в этом двух других нерасторопных участников проекта. Написал с лёгкостью и удовольствием... Мой же текст рождался долго и мучительно. После продолжительных поисков удалось разобрать в общих чертах

историографию стемм и традиции карт и текста Птолемея, а также сделать некоторые наблюдения над структурой текста. Содержание этой моей части вкратце изложено ниже. К сожалению, третий, самый молодой участник проекта, текст которого должен был бы связать две части, археологическую и стемматологическую, не выполнил возложенную на него, наверно, непомерно трудную для него работу. Его задачей было оценить, реалии какого времени могла отражать та или иная часть текста Птолемея о Сарматии. Эта задача так и осталась полурешённой, хотя проект и завершился и отчёт был написан. Соответственно, не была написана нами и заключительная часть общего труда, в которой бы данные археологии, данные античной географии и данные политической истории оказались сопоставлены друг с другом. Каким бы мог быть окончательный текст, трудно судить, но кое-какое предстваление об этом дают первые слова написанного Марком Борисовичем финального отчёта: «*Попытаемся наложить карту «Европейской Сарматии» на современную*

Russian Humanitarian Science Foundation in 2000—2002. "Eastern Europe according to 'Geography' by Claudius Ptolemaeus" 000100228a.

Грант РФНФ за 2000—2002 гг. «Восточная Европа по "Географии" Клавдия Птолемея» 000100228a.

© П. В. Шувалов, 2011.

карту распространения археологических культур и групп...». Показательны и такие фразы из его текста к промежуточному отчёту: «По “Географии” Птолемея “Европейскую Сарматию”, а это, по его понятиям, все пространство от Вислы до Танаиса-Дона и от Балтики до Черного моря, населяли три “великих” народа — вене́ды, бастарны и сарматы.» ... «Как сарматы осуществляли власть над остальной территорией “Европейской Сарматии” вплоть до «Сарматского Океана», мы не знаем за отсутствием иных источников, кроме карты Птолемея»... Тогда нам казалось, что остаётся ещё немного усилий — и мы сможем достичь желанной цели, но с годами наш итоговый текст становился всё более иллюзорным и недостижимым. И Европейская Сарматия постепенно стала напоминать нам недостижимый мираж, по-прежнему заманчиво висящий над раскалёнными сарматскими степями...

Для данной публикации я провёл лишь стилистическую правку моих текстов 2001—2002 годов¹, т.к. учесть новую литературу, вышедшую по теме за последние 9 лет, у меня нет возможности из-за загруженности преподаванием. Соответственно, прошу читателя рассматривать эту публикацию лишь как своего рода дань прошлому, настоящее же исследование ещё ждёт своего часа. Отошлю читателя к новому изданию текста «Географии» Птолемея, изданному коллективом исследователей под руководством Alfred’a Stückelberger’a (Ptolemaios 2006; Ptolemaios 2009). Укажу лишь, что в целом, как мне представляется, излагаемые ниже идеи не должны войти в резкое противоречие с позицией авторов нового немецкого издания текста Птолемея, детально проработать которое я пока не успел. В предлагаемый ниже текст вошла только первая часть проделанной мною тогда работы по Птолемею, а именно — характеристика карт «Географии» Птолемея как источника по Восточной Европе. Главным был тут вопрос, можно ли использовать в качестве самостоятельного источника карты из рукописей Птолемея. Вторую же часть проделанной мною тогда работы, а именно часть, посвящённую тому, какую информацию по Восточной Европе можно извлечь из карт Птолемея, я предполагаю опубликовать в дальнейшем.

Ни одно научное исследование не может проводиться без организационной помощи

друзей и коллег. и я хочу тут искренне поблагодарить Ренату Бурри (Renate Burri) за научные консультации в период ещё до выхода в свет издания А. Штюкельбергера. Кроме того, считаю своим долгом особенно поблагодарить Барбару Скардильи (Barbara Scardigli) и Ханса-Ульриха Гейгера (Hans-Ulrich Geiger), заботливость которых сделала в те годы возможной для меня работу в библиотеках Венеции и Цюриха. В частности, в Венеции нам с Марком Борисовичем посчастливилось полистать знаменитый кодекс Venetianus Marcianus 516 с неопубликованными картами «Географии». И, конечно же, огромное спасибо Игорю Васильевичу Пьянкову и моему другу Александру Васильевичу Подосинову, в беседах с которыми в разное время я смог хотя бы частично компенсировать свою географическую необразованность.

1. Жизнь и личность

Клавдия Птолемея

Клавдий Птолемей (Claudius Πτολεμαῖος)² родился около 90 года н.э. (точнее, между 89 и 102 гг., и, при этом, более вероятно ранняя дата). Судя по его имени, он происходил из местной греческой обеспеченной семьи, получившей римское гражданство ещё при императоре Клавдии (41—54 гг.). Местом его рождения была Птолемаида Гермия в Фиваиде в Верхнем Египте — крупный греческий город с собственными органами автономного управления и одновременно столица Тинитского нома. Птолемаида лежала на левом берегу Нила, и к ней подходило одно из ответвлений великого транссахарского караванного пути, связывавшего её через Большой Оазис с Нумидией, Центральной Африкой и Суданом. Город был основан ещё Птолемеем I и являлся центром греческой культуры в Верхнем Египте. Существуют, впрочем, и менее вероятные гипотезы о рождении Птолемея в Александрии или в Пелузии. Полное образование Птолемей завершил в Александрии, куда — за 700 км к северу от Птолемаиды вниз по течению Нила — он переселился в молодости и где и жил после этого при императорах Адриане (117—138), Антонине Пие (138—161) и при Марке Аврелии (161—180). В Александрии Птолемей находился после этого, видимо, практически безвыездно: известно, что он совершил лишь одну крупную поездку — в Каноп, бывший ближайшим

¹ Данная публикация полностью обесценивает свою краткую предшественницу: Шувалов 2001.

² См., например: Fischer 1932: 11—20.

к Александрии городом на расстоянии двух десятков километров от неё.

Судя по всему, Птолемей не имел особого интереса к дальним поездкам и плаваниям, что, скорее всего, свидетельствует об отсутствии у него географического в нашем смысле этого слова интереса: сам Птолемей всячески подчёркивал, что он не занимается «хорографией» — т. е., по-современному, географией, страноведением или краеведением. Наибольший интерес он находил в систематизации знаний теоретических абстрактных наук: в первую очередь, астрономии, астрологии, гармонии, оптики, механики и гносеологии. Во всех этих областях занятий Птолемей проявил себя в основном как хороший систематизатор и синтезатор, но не как исследователь и новатор. Все его труды были задуманы и реализованы как нормативные руководства по данной области знания. Интересующее нас сочинение «География» или, точнее, «Географическое руководство» по сути своей является не столько географией в нашем смысле этого слова, сколько теоретическим пособием по составлению карты всего мира на основе астрономических данных и сведений о расстоянии одного пункта от другого. Правда, астрономические наблюдения, по сути, только декларировались Птолемеем и другими географами. В действительности такие наблюдения лежали, судя по всему, только в основе незначительного числа координат наиболее важных городов. Но даже и эти не отличались большой точностью. Однако нам здесь важен не практический результат, а установка Птолемея. Птолемей был в большей степени отвлечённым теоретиком, чем исследователем. Этому, возможно, способствовали шизоидный тип характера и, согласно поздней традиции, астеническая конституция и не очень привлекательная наружность, что, правда, отчасти компенсировалось умением говорить и хорошо одеваться. По крайней мере, такой образ его отражён в латинском комментарии к изданию «Альмагеста» 1515-го года: «роста он был среднего, с бледным телом, (отличался) лёгкой походкой при узких ступнях; справа на нижней челюсти у него было красное пятно. Бороду имел густую и чёрную...; искусной речью производил приятное впечатление; выносливый при ходьбе, он редко и неохотно сидел. Много гулял пешком и ездил верхом, ел мало, много постился; у него было стеснённое дыхание и (неприятный) запах (изо рта), носил он изысканную одежду» (Fischer 1932: 27). Умер Клавдий Птолемей в возрасте 78 лет около 168 года (точнее, между 161 и 180 гг.),

видимо, так и не окончив второе переиздание текста «Географии».

По наблюдениям П. Шнабеля, если рассматривать слегка изменяющиеся географические представления Птолемея, отражённые в различных его сочинениях, как последовательную однонаправленную эволюцию взглядов, то «Географическое руководство» должно отражать наиболее поздний этап этой эволюции. Соответственно, большинство исследователей считает, что «Географическое руководство» было написано Птолемеем в конце жизни. Основные же свои астрономические наблюдения он сделал раньше — в возрасте 40—50 лет (с марта 127 по 147 год).

2. Карты и метод работы Птолемея

Географические исследования Птолемея в целом сводятся к следующему. Птолемей был озабочен созданием теории, объясняющей принципы и методы создания математически точной карты — карты всей Земли без частных и специфических деталей, что отличало бы её от обычных хорографических карт, т. е. карт отдельных местностей. Насколько можно судить о замысле Птолемея, он хотел создать такое сочинение, которое максимально приближало бы географию по своим методам к таким точным наукам, как астрономия или оптика, и при этом это сочинение было максимально просто и удобно как руководство по созданию карты. Птолемей пытается полностью исключить из географии элемент субъективности, возникающий, когда географ пытается перенести на карту содержание литературных описаний, что заставляет географа, кроме прочего, быть ещё и художником. Для этого Птолемей перерабатывает все имеющиеся у него разнородные географические данные в списки координат, такие же простые в обращении, как таблицы хорд или звёздный каталог в «Альмагесте». Географ, таким образом, уже не рисует карту, подобно художнику, а выстраивает её по точкам, и «Географическое руководство» становится такой же инструкцией по составлению карты, как и «Альмагест» — инструкцией по всевозможным астрономическим расчётам. Для Птолемея в «Географическом руководстве» гораздо важнее была (как, впрочем, и в «Альмагесте») методологическая последовательность и математическая точность, нежели соответствие реальным фактам. Птолемей в этом деле опирался на недошедший до нас фундаментальный труд своего предшествен-

ника географа Марина Тирского (созданный в период 106—114 гг.). Труд Марина Птолемея использовал творчески, исправляя его недостатки. Труд свой Птолемей адресовал специалистам, считая, что практической пользы — т.е. пользы при ориентировании на местности — от его труда будет мало: его интересовал общий вид карты всей Земли, а не конкретные очертания отдельных стран. Для создания этой итоговой карты всего мира он последовательно рассматривает три возможных проекции поверхности земной сферы на плоскость карты: ортогональную (цилиндрическую), коническую и сфероидальную. Ортогональную проекцию Птолемей считает приемлемой лишь для карт отдельных сравнительно небольших регионов, где кривизна земной поверхности не столь значительна. И действительно, все дошедшие до нас региональные карты, приложенные к труду Птолемея, вычерчены именно в ортогональной проекции. Итак, говоря иными словами, худшую — наименее точную проекцию — Птолемей сохраняет за теми картами, которые его менее всего интересуют и, собственно говоря, вообще и не являются целью его труда³. Для своей же итоговой карты он отвергает коническую проекцию и разрабатывает сфероидальную. Судя по всему, такая карта — с учётом всех этих рекомендаций Птолемея — так при нём и не была окончательно вычерчена. Практически все дошедшие до нас в рукописях Птолемея карты мира выполнены в конической проекции. Дело, возможно, в том, что вычертить коническую проекцию намного проще, чем сфероидальную. Так что, возможно, за тем, что в нашей традиции почти полностью отсутствуют сфероидальные карты мира, стоят простые технические сложности исполнения такой карты.

Порядок операций, проводимых Птолемеем, вкратце можно описать следующим образом: зная продолжительность светового дня в определённых географических точках, Птолемей рассчитывал угол наклона положения солнца в этих точках и т.о. вычислял угол наклона земной поверхности по отношению к солнцу в данной точке и — зная величину земного шара — расстояние до соседней такой же точки. Однако такие данные у Птолемея были только для ряда пунктов, которым и уделено

³ Здесь, кстати, многие исследователи задаются вопросом: а были ли вообще такие карты составлены Птолемеем? И существует мнение, что сам Птолемей не составлял новых региональных карт, но лишь использовал карты Марина Тирского. Я здесь могу только присоединиться к этому скептическому мнению.

в его работах особое внимание. Положение же остальных пунктов Птолемей вычислял, опираясь на знание расстояния до них по данным римских итинерариев. Всё это, конечно же, требовало от него конкретной работы с картами отдельных местностей — с региональными картами, чему и посвящены семь книг его «Географии»: со второй по седьмую и отчасти восьмая. При этом регионы рассмотрены у Птолемея дважды: сначала по 64-м «провинциям» в книгах II—VII с расчётом расстояний в градусах и минутах, а затем по 26-и «странам» в основной части книги VIII с расчётом расстояний в часах. Этому соответствуют и два набора сохранившихся региональных карт, выполненных в ортогональной проекции: набор из карт 26 стран (редакция А) и набор из карт 64 провинций (редакция В). Текст описания карт в книгах II—VII выполнен в форме столбцов перечисления названий географических пунктов и значений их координат. Сухие перечисления иногда прерываются кратким описательным комментарием, описывающим словесно порядок перечисления точек с координатами. В таких случаях создаётся впечатление, что эти комментарии были вставлены в текст столбцов со значениями координат уже после того, как такие столбцы были составлены. При чтении текста временами становится совершенно очевидно, что автор текста, перечисляя географические пункты и их координаты, чувствовал необходимость вставить описательный комментарий. Затем, закончив описательную вставку, он снова возвращался к описанию координат, начиная с того же самого пункта, на котором остановился. Об этом часто свидетельствуют слова, повторяющие написанное выше. Итак, ясно, что при составлении текста его автор (видимо, сам Птолемей) имел уже кем-то (им же самим?) составленный список географических пунктов с их координатами: выписывая из него нужные в определённом географическом порядке, Птолемей следовал определённой географической последовательности описания — границам, побережью, горам, рекам. При этом он естественно представлял себе эту последовательность в географическом пространстве, т.е. на карте. Вопрос, возникающий при этом, — была ли эта карта материальной или же лишь мыслимой? — легко разрешается, на мой взгляд, с очевидностью в пользу материальной карты. Действительно, в некоторых местах в тексте описательных комментариев используется слово «граммэ» (γραμμή), обозначающее «прочерченную линию». Несомненно, что линия, обозначенная автором текста с помощью этого слова, была

графически (!!!) обозначена на некоторой материальной основе, т.е. на карте или плане. Итак, ясно, что Птолемей сначала составил список географических пунктов и вычислил их координаты, а затем выписывал из этого списка в виде колонок названий и цифр нужную информацию, последовательно мысленно двигаясь по видимой и лежащей перед ним (или: только что виденной) карте, поясняя периодически направление своего передвижения по этой карте вставками описательного географического характера, разрывающими текст колонок названий пунктов и их координат. На вопрос о том, что же за карты имел перед собой Птолемей, можно гипотетически ответить, что, возможно, это и были карты Марина Тирского (может быть, уже подправленные по указаниям Птолемея) и дошедшие до нас в виде региональных карт Птолемея (доказательства см. ниже). Действительно, на этих картах имеется не только ортогональная градусная сетка, но также и присутствуют отчётливо прочерченные красной (в кодексе из Ватопеди) краской параллели, но не все, а лишь только некоторые — через два-три градуса. Например, для северной Европы это: 61°, 58°, 56°, 54°, 51°, 48°30', что трудно объяснимо из текста Птолемея, но достаточно хорошо находит подтверждение в климатах Марина⁴. Марин, развивая до логического конца систему климатов, используемую Эратосфеном, Гиппархом и Посидонием, излагал основную часть своих сведений в тексте в форме списков пунктов по климатам (с интервалом в ¼ часа, но, возможно, и с меньшими интервалами), хотя, несомненно, использовал и координатную сетку, и другие, более простые способы определения положения объектов. Так что следует предположить, что если к труду Марина прилагались какие-то региональные карты, на них должны были быть проведены линии параллелей, по которым проходили границы климатов⁵. Итак, дошед-

⁴ Правда, О. Диллер (Diller 1941) считал эти прорисованные на картах климаты поздним «нептолемеевым» дополнением, в основе которого лежит независимая от Птолемея традиция, также отражённая в анонимном трактате «Диагносис». Но тогда Диллер ещё только-только стал отходить от однозначного признания позднего (византийского) происхождения карт, приложенных к рукописям Птолемея (см. ниже о рукописной традиции). Так что, строго говоря, вопрос о происхождении климатов на картах ещё ждёт своего разрешения.

⁵ Однако, по выводам Г. Бергера и Э. Хоннигмана, книга VIII «Географического руководства» отражает более раннюю стадию в развитии географии Птолемея, возможно, отражающую форму и способ изложения

шие до нас карты имеют определённые черты, сближающие их с теми картами, которые использовал Птолемей при написании своего текста и которые восходят, если не созданы Марином Тирским.

Всё это — составление Птолемеем таблиц координат и исправление им региональных карт — были только предварительные этапы, необходимые Птолемею для создания на их основе карты всего мира. Целью его работы было создать правильную карту всего мира. Поэтому, когда он говорит о карте, то имеет в виду именно карту мира, а не региональные карты. Создать чистовик такой карты Птолемей, видимо, так и не успел. Задачу эту выполнил позже некий «механик» Агафодемон, от которого в ряде рукописей сохранилась приписка об этом. В ней прямо указывается, что вычерчена карта мира, а о региональных картах нет ни слова, что однозначно следует понимать как указание на то, что региональные карты Агафодемон не создавал. Следовательно, у них был другой автор. А так как никаких других указаний на иных авторов карт Птолемея в позднеантичный период мы не имеем, то не стоит исключать авторство Птолемея или, скорее, Марина над дошедшими до нас региональными картами.

3. История карт на фоне рукописной традиции «Географии» Птолемея

«География» Птолемея дошла до нас во множестве греческих и латинских рукописей. Если отбросить из числа сохранившихся все *codices descripti*, т.е. рукописи, являющиеся копиями других также дошедших до нас рукописей, то среди оставшихся останется не больше двух десятков византийских минускульных пергаментных или бумажных кодексов XIII—XV вв., лишь малая часть из которых содержит, кроме текста, также и карты⁶. Текст и карты «Географии» много-

материала у Марина. А так как использованные мною карты из ватопедского и урбинского кодексов принадлежат к классу А (26 карт) и соответственно дошли до нас именно в составе книги VIII, то не исключено, что карты эти потому и имеют границы климатов, что Птолемей тогда ещё не пересмотрел метод работы Марина. Но в принципе для нас этот вывод мало что меняет: смотрел ли Птолемей при написании текста, в частности, книги III на карты Марина или на такие же карты, но составленные им самим ранее, — не принципиально для доказательства того, что у Птолемея при написании основного текста были перед глазами какие-то региональные карты.

⁶ Набор карт включает общую для всех рукописей

кратно переписывались и копировались на протяжении десяти веков, разделяющих Птолемея и наиболее древние из дошедших до нас кодексов. При этом переписчики проводили как редактирование, так и колляцию (сравнение и правку) текста и карт, как между собой, так и между различными их классами. Кроме того, история текста несколько отличается от истории соответствующих ему карт, т.к. часто оригиналами для создания нового списка «Географии» служили разные кодексы: одни для текста, другие для карт. Кроме того, ещё сам Птолемей, по-видимому, создал две версии своего сочинения, известные нам как две редакции текста и два соответствующих им набора карт, традиции которых в процессе своего текстологического развития неоднократно перекрещивались и влияли друг на друга. В результате дошедшие до нас варианты текста и карт не так-то легко поддаются текстологическому анализу. Это затрудняет воссоздание архетипа «Географии», т.е. воссоздание того текста и карт, которые лежат в основе всех имеющихся в нашем распоряжении рукописных вариантов. Отчасти поэтому до недавнего времени отсутствовало критическое научное издание всего текста «Географии» и исследователи вынуждены были пользоваться либо устаревшими, либо частичными публикациями.

И всё-таки текст и карты птолемеевой «Географии» несколько раз были подвергнуты глубокой источниковедческой критике. К сожалению, однако, ещё недавно не существовало единой сводной работы по результатам даже и этого анализа. Статья Э. Поляшека (Polaschek 1965) в «Большом Паули» скорее служит комментарием к существующим работам, нежели самостоятельным исследованием. Поэтому, для того чтобы оценить исследованность проблемы, необходимо было соотнести данные двух наиболее крупных работ, посвященных анализу карт и текста, — фундаментального многотомного фолианта Йозефа Фишера и незаконченной книги Пауля Шнабеля.

В основополагающей четырёхтомной работе Фишера (Fischer 1932), написанной в частичном соавторстве с Франки де Кавальери, опубликована одна из основных рукописей

«Географии» — codex Urbinas Graecus 82. Данная рукопись не только самая древняя из сохранившихся, но также действительно, возможно, стоит в начале семьи рукописей с набором из 27 (26 + 1) карт. Однако публикация Фишером этой рукописи и карт некоторых других манускриптов нисколько не снимает необходимости обратиться и к другим кодексам, а именно к Laurentianus 49, Burnejanus 111 и Venetianus Marcianus 516. Рукопись Venet. Marc. 516 содержит тот же 26-картовый набор, но стоящий, возможно, ближе к общему прототипу, чем другие рукописи. Две же другие рукописи — Laur. 49 и Burn. 111 — сохранили альтернативный набор из 65 (64 + 1) карт.

Тем не менее, даже будучи посвящённой только одной рукописи, работа Фишера доказывает существование карт в архетипе и связь их с дошедшими до нас птолемеевскими картами. Несомненно, совершенно неправы те исследователи (напр. Dilke 1985), которые отрицают эту связь и результаты работы Фишера. У Фишера основное доказательство существования у Птолемея близких к дошедшим до нас карт основано на том установленном им факте, что Аммиан Марцеллин использовал карты Птолемея при написании своих географических экскурсов, при этом именно карт, близких к дошедшим до нас, т.к. в ряде установленных Фишером заимствований у Аммиана из Птолемея совершенно очевидно, что Аммиан опирался на карту, а не на текст, т.к. в этих местах птолемеевские текст и карта расходятся.

Следующим всеохватывающим исследованием текста «Географии» Птолемея является книга Пауля Шнабеля (Schnabel 1939). Она представляет собой первую часть большого труда, в котором вторая (так и не вышедшая) часть должна была содержать критическое издание текста — параллельно по двум редакциям (Ξ и Ω). Однако тяжёлая болезнь не только не позволила Шнабелю реализовать этот план, но также лишила его физической возможности довести текст первой части до издательского вида (Schnabel 1939: V—VI). Эту задачу при больном авторе частично выполнил Альберт Херрманн, которому, в частности, принадлежит и стемма рукописей (Schnabel 1939: 120), составленная «по данным Шнабеля». Херрманн, видимо, часто общался со Шнабелем в процессе подготовки текста к изданию, однако — судя по крайней мере по стемме — это общение не сильно сказалось на изданном варианте работы Шнабеля. Действительно, стемма Херрманна, приведённая в конце книги Шнабеля, сильно расходится с текстом Шнабеля. Например,

---

карту мира в конце книги VII и региональные карты. Региональные карты разделяются на две редакции: А (26 карт) и В (64). К набору А относятся карты 26 стран, распределённые по тексту книги VIII. Набор В представлен картами 64 провинций (+ ещё 5 более поздних карт континентов), распределённых по тексту книг II—VII.

в тексте рукопись A (Vaticanus 388) отнесена Шнабелем к отдельной семье α , в то время как в стемме нет ни такой семьи α , ни вообще какой-либо семьи, которая включала бы рукопись A. Таких примеров можно привести много, но ясно одно: стемма Херрманна является упрощённым и неточным отражением идей Шнабеля, изложенных в тексте. В то же время не исключено, что в стемме были учтены Херрманном некоторые поздние идеи или гипотезы Шнабеля, не включённые Шнабелем в основной текст. Предлагаемая мною ниже (рис. 1—2) стемма рукописей «Географии» обоснована преимущественно текстом Шнабеля и несколько отличается от стеммы Херрманна. Кроме того, большее, чем у Шнабеля, внимание мною уделено было идеям Фишера. Целью предлагаемой мною стеммы было свести вместе результаты основных тексто- и стемматологических исследований текста «Географии». В принципе, в современной историографии существует более или менее прочный консенсус относительно общего вида стеммы рукописей Птолемея. Разногласия касаются отдельных деталей, от которых, однако, зависит многое. Итак, разберём основные этапы истории текста «Географии». Стемма для удобства разделена на две части: история текста и карт (1) в позднюю античность в I—IX вв. и (2) в Византии в IX—XV вв. Обе части легко сопоставляются по повторённым внизу первой и вверху второй части обозначениям семей рукописей (ξ , SOAZ, ζ , ρ , σ , ω , ν , γ , ψ , κ , ϕ).

По этой стемме отчётливо видно, как Шнабелю и отчасти Фишеру представлялось развитие текста и карт «Географии» Птолемея. В работах обоих исследователей подробно разбирается обоснование их позиций, согласно которым дошедшие до нас карты Птолемея восходят именно к авторским образцам. Тем не менее, по мысли ряда довоенных исследователей (в частности, Диллера и вслед за ним и Дилке), карты, ставшие прототипом для карт парадного кодекса U, были созданы в XIII веке по инициативе Максима Плануда! От них якобы и произошли вообще все имеющиеся у нас наборы из 26 карт. Однако такой взгляд на сегодняшний день — хотя и поддерживается рядом англоязычных исследователей — является анахронизмом, т.к. полностью противоречит не только наблюдениям Шнабеля и Фишера над текстом и картами Птолемея, но также и тому, что писал сам Диллер после публикации работы Шнабеля (Diller 1941: 7; Diller 1966). Ниже я даю краткий обзор традиции текста и карт, обоснованный мною, в первую

очередь, на работах вышеуказанных немецких исследователей.

Изначально текст «Географии», скорее всего, существовал в виде восьми отдельных папирусных свитков — по одной книге в свитке, и набора карт — каждая на отдельном папирусном листе, возможно, большей ширины, чем ширина свитков с текстом. На самом раннем этапе развития текста «Географии» в текст было внесено некоторое количество ошибок и дополнений, встречающихся во всех известных нам рукописях и, следовательно, присутствовавших уже в архетипе (Diller 1939: 229, 238; Berggren, Jones 2000: 42—43). Кроме того, установлено, что ещё при Птолемею возникли две редакции «Географии»: прото- Ξ и прото- Ω . По мнению Поляшека (Polaschek 1965), эти две редакции являются двумя разными изданиями текста:

Редакция **Прото- Ξ была первым изданием текста**, в которое вошли первые семь книг. Возможно, она имела уже форму кодекса. Прото- Ξ содержала, кроме собственно текста (первого издания), ещё и дополнительные пометы Птолемея, внесённые туда в процессе подготовки второго издания.

Прото- Ω была текстом второго издания, незаконченного и подготовленного, скорее всего, уже вскоре после смерти Птолемея. Текст этого второго издания, включавшего в виде папирусных свитков, кроме текста первых семи книг, ещё и книгу VIII, по мнению Фишера, был более ориентирован на астрономов, чем на географов. Двум изданиям, возможно, соответствуют два набора карт, сохранившихся в разных рукописях «Географии», соответственно: редакция B (64 карты) и редакция A (26 карт)⁷. До конца не ясно, принадлежала ли дошедшая до нас карта мира изначально к обеим редакциям карт, или же её история связана исключительно с редакцией A. Карта мира содержала данные восхода солнца, которые вошли затем в таблицы Ω и OZ (Schnabel 1939: 66, 93—94). Эта карта, по мысли Шнабеля, была затем утрачена

⁷ A: карта мира и 26 региональных карт; B: карта мира и 64 региональные карты (+, может быть, ещё 5 карт континентов). Наборы самостоятельны и прямо не зависят друг от друга и от текста. Большой набор — набор B — не мог произойти из набора A простым делением крупных карт на более мелкие (Schnabel 1939: 15, 80—81, 110—111). В то же время карты не являются производным от соответствующего им в кодексах текста «Географии» (Schnabel 1939: 102; Dilke 1987a: 191). Набор A большинством исследователей связывается с редакцией Ω , происхождение же набора B обычно считается недостаточно ясным.

и вместо неё была создана новая. Из глоссы к тексту «Географии», сохранившейся в ряде рукописей, известно, что некий «механик» Агафодемон создал примерно к 180—190 годам карту мира и приложил её к концу книги VII редакции прото-Ω. Кроме того, им было проведено определённое редактирование текста (в частности, раздела о Дакии) и составлена приписка к тексту с подписью. Некоторые исследователи полагают, что до Агафодемона карты мира у сочинения Птолемея не было вообще. Однако это опровергается подробным исследованием Фишера. Неизвестно, однако, какая была карта мира у Птолемея и насколько карта Агафодемона опиралась на традицию карты мира самого Птолемея. Дошедшие же до нас 26 региональных карт набора А восходят, по мысли Фишера и Шнабеля, к Птолемею, однако имеют иную градусную сетку. Неясно, когда оригинальная градусная сетка была утеряна, либо же восходит ли дошедшая до нас градусная сетка к Марину. Виньетки на картах вокруг названий знаменитых городов восходят к самому Птолемею (Schnabel 1939: 95)⁸. На достаточно раннем этапе на карту мира были нанесены данные восхода, которые вошли затем в таблицы, сохранившиеся в Ω и OZ (Schnabel 1939: 66, 93—94).

Текст александрийской (Schnabel 1939: 86) редакции собственно кодекса Ω возник в результате дальнейшего в процессе переписывания текста прото-Ω: в итоге родился тот список, который определяется современными исследователями как общий прапредок для целого класса рукописей (ζ, ρ, σ, ω, ν, γ, ψ, κ, φ). Он имел форму кодекса и был создан приблизительно в IV веке на основе экземпляра, состоявшего из папирусных свитков (Schnabel 1939: 67). Ω содержала текст (книги I—VII) и набор карт (набор А). Тогда же (или позже: в Δ и Π) к тексту были добавлены схолии (Schnabel 1939: 57).

Между Птолемеем и Ω Шнабель предполагал множество промежуточных звеньев, считая, что между концом II-ого (написание текста прото-Ω) и IV—VI-м веками (создание с Ω списков Π и Δ — Schnabel 1939: 54, 86—89, послуживших основой для дальнейшего текстологического развития) текст многократно переписывался и экземпляры II—III веков не дожили до VI века. Поэтому, по мысли Шнабеля, в тексте Ω могло возникнуть множество ошибок. Современные представле-

ния о передаче рукописного текста сквозь века ставят под сомнения такие взгляды (Textüberlieferung... 1975). Считается (Erbse 1975: 213), что в период римской античности возникавшая порча текста не накапливалась в текстологической традиции и т.о. не происходило существенного развития текста. Причиной этому была высокая развитость библиотечной культуры в античной цивилизации: до начала VII в. н.э. на востоке Средиземноморья существовали эталонные библиотечные экземпляры, с которыми постоянно проводилась сверка имеющихся текстов. Следовательно, весьма вероятно, что в Александрии в VI веке ещё сохранялся весьма близкий к оригиналу текст «Географии», если только экземпляр текста «Географии» Птолемея пережил катаклизмы 273 и 391 годов, когда, как считается, погибли главные библиотеки — библиотека Мусея и библиотека при храме Сераписа. Кроме того, несомненно, что экземпляры сочинений Птолемея, сделанные к тому же хорошими переписчиками, могли существовать и в столичных библиотеках, в частности, в Константинополе, куда централизованно вывозились книги из библиотек Александрии. Правда, текст «Географии» не был особенно популярен на протяжении III века: Фишер смог установить, что в этом веке текст Птолемея использовался только Юлием Африканом. Так что интенсивного переписывания текста «Географии» в III веке не было: в «научный оборот» это сочинение было введено, видимо, только в начале IV в. Возможно, начало активного использования «Географии» связано с деятельностью в IV в. Паппа Александрийского. Текст «Географии» используют авторы кон. IV—VI вв. (Аммиан Марцеллин, Маркиан из Гераклеи, Кассиодор и др.). Так же как и текст, карты также не должны были существенно отклониться от оригинала за период III—VI вв., несмотря на необоснованные сомнения некоторых современных исследователей (напр., Дилке). Однако это не означает, что текст и карты совсем не развивались: так, например, писцом, предшествовавшим писцу Ω, были слегка выправлены 26 карт по тексту (Schnabel 1939: 102), а в тексте были выделены знаменитые города по виньеткам вокруг их названий на картах (Schnabel 1939: 108). Тогда же (или позже: в Δ и Π) к тексту были добавлены схолии (Schnabel 1939: 57). Таким же образом были подправлены координаты и названия на картах и в тексте. Это редактирование проводилось иногда в согласии с первоначальным чтением, а иногда в ущерб ему (Berggren, Jones 2000: 44).

⁸ Против этого возражает Дилке (Dilke 1985: 214 no.18; *ibid.*: 158).

Сложен вопрос с традицией текста книги VIII и соответствующего ей набора из 26 карт. Скорее всего, первоначальная часть текста книги VIII (т. е. VIII 3—28) существовала на протяжении поздней античности в виде отдельной книги — свитка или кодекса (тетради), — кодекс же с основным текстом «Географии» редакции Ω заканчивался текстом книги VII и картой мира Агафодемона. Манускрипт, содержащий книгу VIII, был небольшого формата и содержал примерно 35 строк на странице текста. Ясно, что соответствующие этому тексту 26 карт не могли бы уместиться на страницах столь небольшого формата (Diller 1939). Следовательно, остаётся лишь предположить, что параллельно с этим манускриптом существовал ещё отдельно и альбом 26 карт.

С текста Ω в позднеантичный период были сделаны, по крайней мере, две копии, пережившие период тёмных веков (VII—VIII вв.): Δ в Константинополе (!) христианским переписчиком (Schnabel 1939: 83, 86) и Π. При этом в обоих случаях в текст вкрались некоторые ошибки. Потомки других относящихся к редакции Ω кодексов, которые бы пережили Тёмные века, нам неизвестны. Δ была пергаментным кодексом размером около 58 × 42,5 см с текстом в две колонки (Schnabel 1939: 81). Скорее всего, Δ к IX веку уже лишилась по какой-то причине текста VIII книги вместе с содержащимися в ней 26 региональными картами (Schnabel 1939: 60) или же вообще не имела книги VIII вместе с относящимися к ней картами. Кодекс же Π был написан на пергаменте в одну колонку и сохранил до IX века весь текст и все карты.

Группа Δ породила семь семей византийских минускульных рукописей (σ, ω, ν, γ, ψ, κ, φ). Самые ранние из сохранившихся рукописей группы Δ датируются перв. пол. XIII века. В рукописях этой группы вслед за Δ отсутствовали VIII книга и соответствующий ей набор из 26 региональных карт. Поэтому в некоторых рукописях группы Δ этот недостаток позже был компенсирован заимствованиями из параллельной традиции Π или Ξ, в частности, в U из ρ класса Π (Schnabel 1939: 47) и в O из OZ класса Ξ. В последнем случае заимствованные из OZ (Schnabel 1939: 34, 120— по наследству из SOAZ) вместе с текстом книги VIII и правкой для книг II—VII региональные карты оказались иной редакции (т. е. набором из 64 карт: Schnabel 1939: 15). Дело в том, что при составлении SOAZ переписчик, судя по имеющимся данным, должен был оказаться перед выбором, какие карты предпочесть: набор B из 64 карт вместе с текстом

книг II—VII из Ξ или же набор A из 26 карт вместе с кн. VIII из Π.

Тем не менее, Диллер и вслед за ним и Дилке (Diller 1940: 66; Dilke 1985: 157—160, 1987b: 227; 1987: 269) считают, что карты, ставшие прототипом для карт парадного кодекса U (перв. пол. XIII в.: Schnabel 1939: 27), были созданы в XIII веке заново по инициативе Максима Плануда: про него известно, что он жаловался на невозможность найти набор карт Птолемея, и это потребовало от него создания нового набора карт. Сторонники этой критической гипотезы считают, что карты эти были воссозданы Планудом по имевшемуся у него тексту Птолемея заново, и от них якобы и произошли вообще все наборы из 26 карт (DLKF и ρ, производная от V, а также R). Однако ещё Шнабель вслед за Фишером отрицал (Schnabel 1939: 102) возможность вывести карты набора A (т. е. 26) непосредственно из текста соответствующих рукописей. К тому же мы достоверно знаем, что ещё до Плануда существовали наборы из 26 карт к тексту Птолемея: в кодексе X¹ (Vat. 191, втор. пол. XIII в.), не имеющем карт, в конце имеется приписка переписчика, свидетельствующая, что в материнском кодексе (ξ?) было 27, а не 26 карт. При этом переписчик объясняет возникновение 27-й карты тем, что карта Европы № 10 (Греция) была разделена предыдущими переписчиками надвое. Для карт в X¹ переписчиком оставлены свободные места: впрочем, кодекс этот вообще не дописан — пустые места есть также и для инициалов (Schnabel 1939: 10). Эти места для карт оставлены в конце текста «Географии» (Schnabel 1939: 78). Уже Шнабель указывал, что неясно, были ли карты в протографе X¹, или же эта приписка и пустые места для карт содержались уже и в ξ. Поскольку (Schnabel 1939: 9) протограф для писца X¹ был плохо читаем, следует предположить, что этот протограф был уже достаточно старым. Следовательно, в одном из кодексов IX (?) — XII вв. семьи ξ в конце текста «Географии» присутствовал несколько видоизменённый (не 26, а 27) набор региональных карт редакции A, который, судя по дате, никак не мог быть производным от карт Плануда (1260—1310). Кроме того, в рукописи R (Venet. Marc. 516, XV в.) семьи ρ сохранились 21 с двумя половинками региональная карта редакции A. При этом карты R, видимо, не могут быть производными от карт Плануда, т. к. карты R ближе к предполагаемым картам Ω, чем к картам UKF (Schnabel 1939: 101). Следовательно, Плануд мог жаловаться не на отсутствие карт вообще, а на плохую сохранность имевшихся в его распоряже-

нии наборов карт. Не найдя, однако, лучшего образца, он вынужден был восстановить карты, а также и текст книги VIII, по имевшемуся в его распоряжении кодексу семьи ρ, бывшему, видимо, далеко не в лучшей сохранности. Итак, набор из 26 региональных карт, дошедших до нас через Π и ρ от пра-Ω, может быть восстановлен на основе карт R при привлечении карт Плануда (U и ρ). Набор этот, судя по всему, восходит непосредственно к экземпляру «Географии» Птолемея. К сожалению, однако, исследователи до сих пор не обращали должного внимания на карты кодекса R (Venetianus Marciānus 516), и мне неизвестны их публикации.

Π породила две семьи византийских манускриптов: ρ — с полным текстом и набором 26 региональных карт, и ζ — без книги VIII и содержащихся в ней 26 карт. Самые ранние из сохранившихся рукописей класса Π датируются перв. пол. XIII века, однако ещё раньше (не позже сер. XIII в.) с одной из дочерних по отношению к Π ныне потерянных рукописей семьи ρ были произведены заимствования в рукопись U (знаменитый Urbinas 82). А ещё раньше (XI?–XII вв.) из Π или даже из ρ в ζ были заимствованы карты и, может быть, часть VIII книги. Тем не менее, на современный момент невозможно определить, протограф какой группы (Π или Δ) был раньше введён в оборот византийскими книжниками из забвения Тёмных веков. Возможно (судя по явной ущербности Δ по сравнению с Π), Δ была раньше воскрешена из забвения. Решающим здесь может оказаться вопрос традиции книги VIII: она должна была выйти из недр библиотек после того, как были созданы основные списки с Δ, не имевшие книги VIII.

В то же время не исключено, что книга VIII вместе с соответствующими ей 26 картами вообще имела до ξ и ρ самостоятельную историю, не связанную с Ω, Δ и, возможно, даже с Π. Действительно, существует большая вероятность того, что книга VIII либо не вошла вообще в общий манускрипт при переписывании текста «Географии» из свитков в кодекс, либо же была оторвана от этого кодекса ещё на этапе Ω. Далее книга VIII могла существовать как отдельный текст на протяжении последующих веков. И лишь позже эта отдельная книга была приплетена или включена при переписывании в единый текст «Географии». Это могло произойти, возможно, уже в Π или несколько позже. При этом можно было бы связать вместе воскрешение из забвения Тёмных Веков книги VIII с набором 26 карт в ρ и других её сёстрах — с одной

стороны, и дополнение текста этой книги текстом VIII 29,1—29 в ξ и в SOAZ — с другой, т.к. все они генетически связаны с Π. Кодекс Π был написан на пергаменте в одну колонку. Возможно, это был кодекс большого формата, что позволяло бы включить в него, кроме текста, также и карты. Π сохранил до IX века почти весь текст «Географии», включая текст книги VIII и соответствующие ей 26 карт. Если принять гипотезу о самостоятельной традиции книги VIII на протяжении поздней античности, то представляется разумным предположить, что присоединение книги VIII вместе с 26 картами к остальному тексту «Географии» произошло именно при возникновении Π.

Позднеантичная Ξ также не должна была сильно отличаться от текста Птолемея по причине отсутствия текстологического развития у библиотечных экземпляров, т.е. по причине т.н. закрытой традиции. Ξ оказался менее плодотворным, чем Ω, и породил лишь две семьи рукописей: ξ с 27 региональными картами, распределёнными по тексту VIII книги, и SOAZ с 64 картами в книгах II—VII. Судя по приписке к тексту рукописи X (сами карты там не сохранились), набор из 27 карт был практически идентичен известному набору из 26 карт с тем лишь отличием, что одна карта 26-картового набора была разделена надвое, в результате чего и возник набор из 27 региональных карт: $25 + \frac{1}{2} + \frac{1}{2}$. Исходя из правил формальной стемматологии, следует предположить, что и в архетипе (а также и в Ξ) был набор из 26, а не 64 карт, раз уж набор из 26 карт представлен и в Ω, и в ξ (так и считал Schnabel 1939: 111). И в таком случае 64-картовый набор не может считаться птолемеевским. Однако весьма вероятен и обратный вариант: 26 карт попали в ξ вместе с текстом VIII 29,1—29 и картой мира VII 6,11...12, заимствованными из Π (Schnabel 1939: 58—59, 61—64, 118—119) или же из κ, — так или иначе, в традиции Π эти 26 карт находились в тексте VIII книги (гл.3—28). Тогда возможно предположить, что упоминание в рукописи X¹ (дальний потомок Ξ) о 27 ($25 + \frac{1}{2} + \frac{1}{2}$) региональных картах (Schnabel 1939: 10, 78) указывает лишь на заимствование этих карт из параллельной традиции Ω–Π.

Возникает вопрос: какие карты были в Ξ? Шнабель был убеждён, что в SOAZ имелся набор из составленных в Александрии 63—64 региональных карт, распределённых по всему тексту книг II—VII (Schnabel 1939: 15, 55, 111, 113, 120). Следовательно, ничто в стемме не мешает принять гипотезу о присутствии набора из 64 карт в Ξ, и возможно в «прото-Ξ», т.е. в кодексе самого Птолемея. В

таком случае на этих картах (а не только в тексте) могли быть изначально выделены знаменитые города, списком на 20 городов больше, чем в традиции Ω. И тогда нет необходимости предполагать сложный путь этой информации о знаменитых городах (Schnabel 1939: 115) к картам SOAZ редакции В из текста Э, где эти города были выделены инициалами. Этот набор из 64 карт был скопирован в OZ и далее в O (Laur. Plut. XXVIII 49), к которому и восходят все известные нам карты этой редакции.

Любопытна **позиция кодекса А (Vaticanus 388)**: он занимает явно промежуточное положение (так же как O, Z и т.п.) между Э и Ω, что, однако, видимо, вызвало какие-то особые затруднения у Шнабеля. Определив сначала (так в тексте его книги) для этого кодекса особую семью α, Шнабель затем, судя по стемме Херрманна, отказался от этого. В результате на стемме Херрманна А отнесён к плохо исследованной семье SOAZ из редакции Э при одновременном указании на зависимость того же А от Ω-Π-ρ. Однако в тексте Шнабель (Schnabel 1939: 34) отчётливо писал, что зависимость А от SOAZ состоит лишь в правке, дополняющей текст, полученный А из ρ, и в намерении заимствовать из SOAZ 64 региональные карты: для них переписчик А оставил в тексте пустые развороты. Т.о., по Шнабелю, А относится скорее к семье ρ. Можно предположить, что переписчик А (некто Дука в 1435—37 гг. в Константинополе) заметил, что в имевшихся в его распоряжении рукописях из семей ρ и SOAZ присутствуют разные наборы карт, и предпочёл набор с более подробными картами, т.е. набор редакции В (64 листа). Итак, набор из 64 региональных карт (редакция В) достоверно восходит к семье SOAZ, и не исключено, что через Э — к картам самого Птолемея.

Птолемеевские карты существовали в арамейской и греческих версиях у арабов ещё в кон. VIII—X вв. — у Хорезми и у Масуди (Культура Византии, т. 3: 362; Dilke 1985: 156—157). Впрочем, существует мнение, что Аль-Масуди видел сочинение не Птолемея, а Марина Тирского. Но тогда это ещё один довод в пользу того, что у Птолемея, скорее всего, под рукой был набор карт (Berggren-Jones 2000: 48), который и был, похоже, включён в издание его текста. Любопытно, что арабский текст (Const. Arab. 2610) Птолемея снабжён набором карт, восходящих (через посредство сирийской литературы) как к редакции А, так и к В, что указывает на существование карт обеих традиций уже в раннее время — по крайней мере к концу VIII в.

В заключение этого обзора можно отметить, что прочтение текста Шнабеля показало следующее. Если исходить из построений этого исследователя, то можно с уверенностью предполагать восхождение основы набора А из 26 региональных карт в конечном счёте к самому Птолемею или его ближайшему окружению. То же можно предположить, но лишь с большой долей гипотетичности, для набора В из 64 карт. Скепсис же некоторых исследователей⁹ по поводу дошедших до нас птолемеевских карт основан либо на примитивном гиперкритицизме, либо на неправильном понимании текста Птолемея (Schnabel 1939: 1), либо же на невнимательном чтении немецкого текста Шнабеля. Дополнительным основанием для скепсиса служит и устаревшее представление (Schnabel 1939: 3; Dilke 1987b: 270) о многократном переписывании и копировании карт вместе с текстом на протяжении II—VIII вв. На самом же деле существенное развитие текста и карт могло происходить только в период IX—XII вв. Гипотеза же, что античному миру не было свойственно представлять пространство как карту (Подосинов 1993), чрезвычайно интересна и перспективна для изучения подсознания современного и античного человека и общего развития картографии в античности, — однако она мало что может дать в конкретном случае с Птолемеем: общие закономерности развития культуры не всегда имеют обыкновение проявляться на оригинальных личностях. Поэтому рассуждения, построенные на принципе ex silentio, о том, что мы знаем якобы только о картах Агафодемона и Марина Тирского (Dilke 1985: 154), ничуть не обязывают нас поверить в отсутствие других карт. Показательно, что Дилке сам до конца не верит в то, что у Птолемея карт не было (Dilke 1987a: 178, 190).

Присмотримся теперь повнимательнее к тем работам, в которых высказывается скептическое отношение к самой идее того, что карты сохранившихся рукописей могут восходить к картам Птолемея. Такие взгляды высказываются различными исследователями, однако своим происхождением этот скепсис в некоторой степени обязан известному исследователю рукописей Обри Диллеру. Ещё до того, как Диллер смог познакомиться с работой Шнабеля (Schnabel 1939), он пришёл к любопытному выводу (Diller 1939: 233, 238):

⁹ См. обзор основных мнений и литературу у Дилке (Dilke 1985: 207 no.28). К сожалению, Дилке недостаточно хорошо использует немецкоязычную литературу (напр. Polaschek 1965).

текст VIII 3—28 долгое время в поздней античности существовал отдельно от остального текста I—VIII 2. Это был свиток или кодекс примерно в 35 строк, т. е. рукопись небольшого размера. Такой размер, по мысли Диллера, не позволил бы уместить в этой же рукописи соответствующие этому тексту карты 26 стран: для таких подробных карт, как птолемеевские, необходимы листы большего формата. Соответственно, тех 26 карт, которые дошли до нас в позднесредневековых кодексах большого формата в составе текста VIII 3—28 и которые претендуют на то, чтобы быть копиями птолемеевских, — на этом этапе развития текста VIII 3—28 там не было и быть не могло. Кроме того, содержащийся в начале VIII 3 общий обзор карт, земель и городов явно является поздней припиской к основному тексту VIII 3—28. Тем самым Диллер подводил читателя к выводу, что карты 26 стран — не птолемеевские и созданы кем-то много позднее. Но окончательно этот вывод Диллером доказан не был, т. к. оставалась ещё возможность того, что альбом из 26 карт существовал отдельно от соответствующего ему текста VIII 3—28 и жил самостоятельной жизнью (о чём, правда, сам Диллер ни слова тогда не написал). Затем же — в тот момент, когда текст книги VIII был переписан в кодекс большого формата, — по имеющемуся тексту VIII 3—28 могли быть распределены карты из альбома и добавлен общий обзор в начале VIII 3. На такую роль в прилагаемой стемме может претендовать П или ρ. О таком естественном разрешении создавшегося логического противоречия Диллер, однако, тогда ничего не написал. Продолжая развивать скептическое направление, в следующем 1940 году Диллер на основании известных слов Максима Плануда выдвигает гипотезу (Diller 1940: 66), что древнейшие из имеющихся у нас карт Птолемея, т. е. Urb.82, Ser.57 и Fabr.23, были созданы этим известным книжником. Никаких других доказательств Диллер в этой статье не приводит и даже указывает, что этот тезис требует дальнейшего исследования: «I propose it only tentatively, pending further investigation» (: 67). Любопытно, что в данной статье в словах Диллера уже сквозит некоторая неуверенность в своей правоте. И именно в этой же статье Диллер впервые ссылается на текст Шнабеля (Schnabel 1938). Любопытно, что в той же статье 1940 года Диллер признаёт, что у Птолемея были карты, но не в рукописи вместе с текстом, а отдельно: они не были переплетены и не сохранились (p. 67 n.17). Текст же фундаментального исследования Фишера по картам Птолемея,

хотя уже и был тогда знаком Диллеру, однако, судя по всему, проработан был им без должного внимания. Так, указывая на схожесть текста и карт Птолемея (Diller 1940: 67), Диллер не ссылается на соответствующее место труда Фишера, где эта тема разработана исчерпывающе (Fischer 1932). В следующей работе (Diller 1941: 7) Диллер уже признаёт, что дошедшие до нас карты вполне могут отражать птолемеевские или какие-то другие позднеантичные карты, хотя часть информации на наших картах, несомненно, происходит из текста соответствующих дошедших до нас кодексов, — иными словами: карты являются в основе своей античными, но подправлены по тексту уже в средневековье. Таким образом, в этой статье Диллер уже фактически отказался от своей крайне скептической позиции прежних лет. Следовательно, с годами и, возможно, по мере знакомства с трудами Фишера и Шнабеля, Диллер отошёл от скептической позиции и признал, что в дошедших до нас картах можно видеть традицию карт, составленных Птолемеем или его окружением. Последующие же англоязычные исследователи¹⁰, видимо, не очень утруждали себя чтением немецких трудов и находились под влиянием ранних работ Диллера. В конце обзора работ Диллера важно также отметить следующее: в позднем кратком обзоре рукописной традиции «Географии» Птолемея (Diller 1966) Диллер фактически сходится во мнении с уже давно к тому времени покойным Шнабелем в том, что существуют дополнительные перекрёстные связи между классами рукописей. Так, рукописи BPSO зависят не только от своих непосредственных прародителей σ и ω, но также и от класса Ξ, т. е. от SOAZ

¹⁰ Так, в одной из последних работ по Птолемее (Berggren, Jones 2000: 46—49) полностью повторяются ранние скептические взгляды Диллера и постулируется (p.47), что карты Птолемея вообще не могли в их нынешнем достаточно подробном виде уместиться на папирусном листке, высота которого обычно (sic!) не превышала 32,5 см и лишь в исключительных случаях достигала 60 см (sic!). Соответственно выдвигается гипотеза, что Птолемей вообще не прикладывал карту к своему тексту, но создал лишь её настенный вариант (p.47, 49). При этом авторы не только не разбирают доводы фундаментальной работы Фишера, как, впрочем, и других немецкоязычных авторов, но также вообще пренебрегают текстологией и стемматологией. Кроме того, читателю так и остаётся неизвестным, почему в распоряжении Птолемея, проводившего исключительное исследование, не могли оказаться папирусные листки исключительных размеров в 60 см, а также и то, как бы смог Птолемей сподобиться начертить карту на стене, не имея он рукописного её варианта (на папирусе, естественно).

по Шнабелю. А это именно та связь между Э и рукописью О с её потомками, по которой и произошла передача набора из 64 карт.

Некоторые предварительные выводы

Итак, этот обзор исследований можно заключить следующим выводом: на настоящий момент [т.е. на 2002 г., когда было проведено

данное историографическое исследование. — П. III.] наши знания о рукописной традиции географических сочинений Птолемея говорят, скорее, в пользу тезиса, что имеющиеся в нашем распоряжении рукописные карты восходят к картам Птолемея, а через него, возможно, и к Марину Тирскому. Альтернативный тезис (что карты созданы позже по тексту Птолемея книжниками в византийскую эпоху) представляется весьма слабо аргументированным.

Литература

- Культура Византии, XIII — перв. пол. XV в.* 1991. Москва.
- Подосинов А.В. 1991. Птолемей. *Свод древнейших известий о славянах* I. Москва.
- Подосинов А.В. 1993. Картография в Византии (к постановке проблемы). *ВВ* 54, 43—48.
- Шувалов П.В. 2001. «География» Птолемея: карты и рукописная традиция. *Жебелёвские чтения* — 3. ТД научн. конф. 29—31 окт. 2001. Санкт-Петербург: изд-во СПбГУ, 46—54.
- Berggren J.L., Jones A. 2000. *Ptolemy's Geography. An annotated translation of the theoretical chapters.* Princeton, Oxford.
- Dilke O.A.W. 1985. *Greek and Roman Maps.* London.
- Dilke O.A.W. 1987a. The Culmination of Greek Cartography in Ptolemy. *History of Cartography...*, 177—200.
- Dilke O.A.W. 1987b. Cartography in the Byzantine Empire. *History of Cartography...*, 258—275.
- Diller A. 1939. List of the provinces in Ptolemy's Geography. *Classical Philology* 34: 228—238. = [reprint] Diller 1983, №11.
- Diller A. 1940. The oldest manuscripts of ptolemaic maps. *Transactions of the American Philological Association* 71: 62—67. = [reprint] Diller 1983, №12.
- Diller A. 1941. The parallels on the ptolemaic maps. *Isis*, 33, 4—7. = [reprint] Diller 1983, №13.
- Diller A. 1966. De Ptolemaei Geographiae codicibus editionibusque. *Claudii Ptolemaei Geographia*, ed. C.F.A. Nobbe, repr. G. Olms: V—XV. = [reprint] Diller 1983, №15.
- Diller A. 1983. *Studies in Greek Manuscript Tradition.* Amsterdam.
- Erbse H. 1975. Überlieferungsgeschichte der klassischen und hellenistischen Literatur. *Textüberlieferung...* 1975.
- Fischer J. 1932. *Claudii Ptolemaei Geographiae codex Urbinas Gr. 82 phototypice depictus* I, 1—2, II, 1—2. Leiden; Leipzig.
- History of Cartography, Vol. I*, ed. J.B. Harley, D. Woodward. Chicago; London, 1987.
- Polaschek E. 1965. Ptolemaios als Geograph. *RE, Suppl. X.*
- Ptolemaios 2006: *Ptolemaios, Handbuch der Geographie*, hrsg. von A. Stückelberger, G. Graßhoff. Basel.
- Ptolemaios 2009: *Ptolemaios Handbuch der Geographie — Ergänzungsband mit einer Edition des Kanons bedeutender Städte*, hrsg. von A. Stückelberger und F. Mittenhuber. Basel.
- Schnabel P. 1939. *Text und Karten des Ptolemaeus.* Leipzig.
- Textüberlieferung der antiken Literatur und der Bibel.* 1975 (= Geschichte der Textüberlieferung der antiken und mittelalterlichen Literatur I, 1961).

Статья поступила в редакцию в 2 февраля 2010 г.

Впервые материал был опубликован в сборнике: Жебелёвские чтения — 3. ТД научн. конф. 29—31 окт. 2001.

Petr Shuvalov (St.-Petersburg, Russia). PhD (history). Byzantine Centre of St. Petersburg State University.

Шувалов Пётр Валерьевич (Санкт-Петербург, Россия). Кандидат исторических наук. Византийский центр Санкт-Петербургского государственного университета.

E-mail: peshuv@gmail.com